

УДК 94(47)(092)+929
 DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-97-105
 EDN: SZXNYU

М. В. КРОТОВА

Санкт-Петербургский государственный
 экономический университет,
 г. Санкт-Петербург

«СИБИРСКИЙ САТРАП» М. М. ЛАШЕВИЧ И ЕГО СМЕРТЬ В ХАРБИНЕ

Статья посвящена советскому политическому деятелю М. М. Лашевичу (1884–1928) — участнику революции и Гражданской войны, председателю Сибревкома. Актуальность исследования связана с тем, что его деятельность на посту товарища председателя Правления КВЖД в 1926–1928 гг. мало известна, как и причины смерти в Харбине. Цель статьи — реконструкция финального периода жизни Лашевича в контексте советского присутствия в Китае, причем акцент сделан на восприятии личности Лашевича русской эмиграцией в Маньчжурии, обстоятельства его кончины и посмертной биографии с использованием антропологического подхода и биографического метода. Основой исследования стали неопубликованные источники, эго-документы и материалы периодики Харбина. Автор подчеркивает, что изучение таких неординарных фигур, как Лашевич, имеет значение не только для понимания советской политики в Китае, но и для выяснения проблем восприятия и оценки деятельности советских лидеров идейными противниками.

Ключевые слова: историческая антропология, евреи, М. М. Лашевич, КВЖД, Маньчжурия, Харбин, русская эмиграция, Русская революция, Гражданская война.

Постановка проблемы. М. М. Лашевич (1884–1928) — один из «старых» большевиков, член партии с 1901 г. — несомненно, был значительной фигурой в советском руководстве 1920-х гг. Его краткая биография есть во всех справочниках по истории революционного движения и Гражданской войны [1, с. 323; 2, с. 285; 3, с. 266; 4, с. 194; 5, с. 176–178; 6, с. 453–454; 7, с. 28]. Его имя, связанное с участием в «троцкистско-зиновьевской оппозиции», упоминается в исследованиях, посвященных внутрипартийной борьбе в большевистском руководстве [8, 9]. Однако все сведения о Лашевиче в открытых источниках касаются его участия в революции и Гражданской войне, а также его работе в качестве председателя Сибревкома и участия в оппозиции. Деятельность Лашевича на должности товарища председателя Правления КВЖД в 1926–1928 гг. не привлекла внимания историков, хотя его назначение на этот пост и последующее пребывание в Маньчжурии имеет большое значение для понимания внешней политики СССР в Китае. К тому же в биографических справках о Лашевиче указаны разные даты и причины его смерти (автомобильная катастрофа, самоубийство и др.), что породило множество спекуляций на эту тему.

Немаловажным аспектом является также то обстоятельство, что Лашевичу пришлось жить и работать в Харбине в окружении русских эмигрантов, многие из которых были участниками Гражданской

войны на востоке России по другую сторону баррикад, тех самых белогвардейцев-колчаковцев, против кого совсем недавно воевал Лашевич. Поэтому его появление и дальнейшее пребывание в Маньчжурии вызвало пристальный интерес русской колонии Харбина. Внимание к фигуре Лашевича нашло отражение на страницах прессы Харбина, дневников и мемуаров эмигрантов. Использование этих источников расширяет представление о новой советской элите. Использование антропологического подхода и биографического метода представляется важным для понимания особенностей советской политики в Китае.

Основная часть. Михаил Михайлович Лашевич (Моисей Гаскович) родился в 1884 г. в Одессе в купеческой семье. В справочниках и энциклопедиях указано, что он учился в гимназии, но был исключен из нее за пропаганду, однако в личном деле 1921 г. Лашевич о себе собственноручно указал: профессиональный революционер, мещанин, еврей, родной язык русский, образование — Одесское техническое училище, исключен из последнего класса [10, л. 1]. С. Р. Грансберг в своих воспоминаниях упоминала, что Лашевич обучался в ремесленном училище общества «Труд», почему и получил кличку «Мишка трудник» [11, с. 32]. А. Г. Протасов на основе архивных документов дополняет сведения о Лашевиче: служил в банке, был сионистом [12, с. 327].

Лашевич считался «старым большевиком», так как вступил в РСДРП в 1901 г., а после II съезда партии в 1903 г. примкнул к большевикам. Был членом комитетов РСДРП в Одессе, Николаеве, Екатеринославе, Петербурге [5, с. 177]. Многократно арестовывался, сидел в тюрьмах, отбывал ссылку в Вологодской губернии и Нарымском крае. Товарищи по ссылке позже вспоминали его как энергичного, хорошего товарища, весельчака, «огненного парня» [13, л. 1, 3]. Во время Первой мировой войны он был мобилизован, на фронте был дважды ранен, дослужился до старшего унтер-офицера. Был избран в Учредительное собрание от Псковского и Юго-Западного фронта округов по списку большевиков [12, с. 327]. В 1917 г., оказавшись в Петрограде, стал непосредственным участником октябрьского вооруженного восстания, командовал частями Кексгольмского полка и балтийскими матросами, которые в ночь на 25 октября 1917 г. захватили телеграф, телефонную станцию, Госбанк, казначейство и почту.

С апреля 1918 г. деятельность Лашевича была связана с Красной армией. 30 ноября 1918 г. он был назначен командующим 3-й армией и членом ее РВС. Руководил военными операциями до 5 марта 1919 г., в том числе оборонительными боями за Пермь. В отступлении частей РККА в конце декабря 1918 г. комиссия под руководством Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина в январе 1919 г. обвинила Лашевича [4, с. 194]. Тем не менее он продолжал занимать высокие должности: в марте – августе 1919 г. был членом РВС Восточного фронта; с середины августа по октябрь 1919 г. — член РВС Южного фронта, затем до августа 1920 г. — 7-й армии, до ноября — 15-й армии. Таким образом, Лашевич принимал активное участие в борьбе советской власти против армий Колчака, Деникина и Юденича. За боевые заслуги был награжден двумя орденами Красного знамени (в 1920 и в 1926 гг.). В июле 1920 г. Лашевич присутствовал на открытии II Конгресса Коминтерна в Ленинграде, его изображение запечатлено на картине Исаака Бродского «Торжественное открытие II конгресса Коминтерна во дворце Урицкого в Ленинграде». В ноябре 1920 г. он был демобилизован и направлен для работы в Петроград, работал в Петроградском совете рабочих и красноармейских депутатов (Петросовете). В декабре 1920 г. по решению Петросовета Лашевича направили в распоряжение Совнархоза [10, л. 12].

В 1921 г. выехал в Сибирь, в Новониколаевск, где стал членом Сиббюро ЦК РКП(б), членом РВС Западно-Сибирского военного округа. С 30 мая 1922 по 2 декабря 1925 г. Лашевич занимал пост председателя Сибревкома, который являлся высшим органом центральной власти РСФСР в Сибири. Территория, подчиненная Сибревкому, была огромной и охватывала 7 губерний — Омскую, Томскую, Алтайскую, Семипалатинскую, Енисейскую, Иркутскую, Якутскую. Задачами Сибревкома была не только организация советской власти на местах, но и борьба с разрухой и бандитизмом, восстановление транспорта и промышленности. По всей видимости, Лашевич немало сделал для восстановления народного хозяйства в Сибири [14]. По воспоминаниям С. Р. Грансберг, жены Христофора Давидовича Грансберга, председателя Омского губисполкома, Лашевич («маленького роста, толстенький, затянутый в военную форму») в начале 1920-х гг. часто приезжал в Омск из Новониколаевска и, шутя, называл себя «сибирским сатрапом»,

а Омскую губернию — «деспотией» Грансберга [11, с. 32]. В 1925 г. пароход «Богатырь» в Новониколаевске был переименован в «Михаил Лашевич» в честь председателя Сибревкома [15, с. 349].

Когда 31 октября 1925 г. умер народный комиссар по военным и морским делам М. В. Фрунзе, Лашевич, по словам его друзей, рассчитывал, что наркомом назначат его [11, с. 32]. Но назначили К. Е. Ворошилова, а Лашевич 6 ноября 1925 г. стал заместителем наркома по военным и морским делам. Еще со времен революции Лашевич был близок к Г. Е. Зиновьеву, Л. Б. Каменеву и другим членам оппозиции. С. Р. Грансберг считала, что Лашевич не был троцкистом, но терпеть не мог Сталина. Он рассказывал, что во время наступления Юденича на Петроград из Москвы в помощь партийной организации был прислан Сталин. Но он так «помогал», что военное командование взмолилось, чтобы его убрали, что и было сделано [11, с. 32]. Известно так называемое «дело Лашевича» — нелегальное собрание оппозиции под Москвой в дачной местности по Савеловской железной дороге 6 июня 1926 г., где он выступил с докладом, после чего был выведен из состава ЦК ВКП(б), снят с поста заместителя председателя РВС, ему было запрещено в течение двух лет занимать ответственные посты [8, с. 166]. В результате этих событий некоторые члены оппозиции были отправлены в «почетные ссылки». Так, Каменев в ноябре 1926 г. стал полпредом в Италии, а Лашевич отправлен в Харбин в качестве товарища (заместителя) председателя Правления КВЖД.

В иерархии КВЖД это был очень высокий пост, так как, согласно советско-китайским соглашениям 1924 г., КВЖД должна была управляться на паритетных началах, причем председателем Правления КВЖД должен был быть китаец, а товарищем председателя (товпредом) — гражданин СССР. Предложение назначить товпредом Лашевича вместо «уступчивого» Л. А. Саврасова было выдвинуто на заседании Политбюро 11 ноября 1926 г., 20 ноября 1926 г. решение было утверждено, и перед Лашевичем была поставлена задача разрешить все возникающие вопросы в работе КВЖД с учетом интересов обеих сторон, а также обеспечить совместную равноправную работу СССР и Китая в Правлении и Управлении КВЖД [16, л. 1]. На этом заседании был утвержден проект интервью Лашевича по вопросам КВЖД, которое было напечатано в газетах 21 ноября 1928 г. [17, с. 87–88]. В Харбине к этому интервью отнеслись с большим скептицизмом, сомневаясь, что можно за один день после назначения ознакомиться со всеми проблемами дороги. Судя по эмигрантской прессе, русская колония была хорошо осведомлена о «деле Лашевича», оценив его назначение как ссылку оппозиционера [18, с. 3]. Тем не менее смена товпреда была воспринята как усиление советского влияния в Маньчжурии, победа «твердой линии» в отношении китайцев. Дело в том, что в 1926 г. маршал Чжан Цзолин укрепил свои позиции в Маньчжурии, добился удаления Управляющего КВЖД А. Н. Иванова и смены полпреда в Китае Л. М. Карахана. Поэтому от Лашевича ждали решительных действий по защите прав СССР на КВЖД, даже возможного военного вмешательства.

10 декабря 1926 г. Лашевич с супругой Идой Владимировной прибыл в Харбин. Ему, как товпреду, был предоставлен один из лучших особняков КВЖД в центре Нового города на ул. Разъезжей площадью 417,12 м², с зимним садом, флигелем площа-

дью 161,47 кв. м, гаражом и квартирой шофера [19, л. 14]. И. С. Ильин в своем дневнике восхищался этим прекрасным домом, утопающим в зелени, вьюнах и диком винограде, с теннисной площадкой во дворе [20, л. 139]. Этот особняк, как и огромный оклад (21 000 руб. в год), должны были соответствовать статусу товпреда, который являлся высшим советским представителем на КВЖД. Лашевич жаловался в письме С. Орджоникидзе 4 января 1927 г., что у него квартира в 10 комнат, три китайские прислуги, приходится соответственно одеваться (вместо гимнастерки и шинели — фрак, смокинг, визитки, крахмальные рубашки, лакированные туфли и «прочая пакость»), вести определенный образ жизни (банкеты, приемы) и «общаться со всякой сволочью» [17, с. 98]. Под «сволочью» подразумевались, в том числе, и члены русской колонии Харбина из «бывших».

По прибытии в Маньчжурию Лашевич сразу попал в неловкую ситуацию. Дело в том, что в феврале 1927 г. произошел случай, ставший сразу известным на весь Харбин. Одна русская эмигрантка в магазине Чурина увидела на жене Лашевича свое соболье манто, которое после революции было реквизировано у нее большевиками. Произошло объяснение, в итоге обеих задержали. В полицейском участке дама представила доказательство: когда отпороли подкладку, на каждой шкурке были ее инициалы. Был вызван Лашевич, и дело кончилось миром. По слухам, дама получила значительную сумму денег за манто и молчание. Об этом случае 20 февраля 1927 г. сообщал агент харбинской резидентуры Иностранного отдела ОГПУ [21, с. 286]. В дневнике И. С. Ильина, который работал журналистом в харбинской газете «Русское слово», приведены подробности, каким образом это дело не получило огласки в местной прессе. Оказывается, все редакторы харбинских газет получили по 500 долларов, чтобы не помещать материал о скандале [20, л. 134]. Этот случай нашел отражение в воспоминаниях Ю. В. Крузенштерн-Петерец. Она также утверждала, что жена Лашевича была дочерью одесского коммерсанта Сквирского, имела в Харбине богатую еврейскую родню [22, с. 198].

Действительно, сестра Иды Владимировны Сквирской-Лашевич была замужем за старожилом Харбина Абрамом Леонтьевичем Окунем, харбинским коммерсантом, уроженцем Одессы [23, л. 3]. В сообщениях агентов БРЭМ Окунь считался близким родственником Лашевича. Интересно, что по сведениям источника из американского консульства в Харбине (доклад 19 ноября 1927 г.), Лашевич, изучив ситуацию на КВЖД, предложил советскому руководству изменить политику в отношении эмигрантов, предложив установить тесные контакты с местной русской колонией, чтобы парализовать их антисоветскую деятельность, содействовать их переходу в советское гражданство и сотрудничеству с советскими учреждениями для противостояния китайской стороне [17, с. 92].

Повышенный интерес русской эмиграции к Лашевичу был вполне понятен. Интересно восприятие личности Лашевича эмигрантской колонией, среди которой было много экс-белогвардейцев. Это накладывало определенный отпечаток на сложившееся впечатление о нем. И. С. Ильин, увидевший впервые Лашевича в марте 1927 г. в Харбине на одном из приемов, оставил описание в своем дневнике: «желтое, словно пергаментное лицо, с облезлыми, жидкими, тоже почему-то желтыми волосами,

с слегка вздернутым носом и черными, без белков глазами, какие бывают у хищных, злых птиц. Конечно, тут играет роль предвзятость, но все же вид Лашевича отвратный» [20, л. 84]. Лашевича называли одной из самых мрачных и роковых фигур московского «Олимпа», «пермским зверем», «сумасшедшим эстетом-чекистом», уставшим от своей работы и прибывшим на отдых в Маньчжурию [24, с. 282]. Судя по эго-документам, газетным статьям, у Лашевича была стойкая репутация палача и убийцы, «зарывавшего живыми священников» [20, л. 138]. Дело в том, что в среде русской колонии были уверены, что Лашевич был причастен к убийству пермского архиепископа Андроника летом 1918 г. [25, с. 3]. В июне 1927 г. даже готовились покушения на Лашевича, о чем сообщала советская разведка [21, с. 756, 758].

На посту товпреда Лашевич проявил «немалый такт и свойственное ему упорство», будучи чем-то вроде «буржуазного переговорщика» [26, р. 50]. Лашевич был осторожен, старался затягивать все вопросы, требовавшие безотлагательного решения, не вступал в прямой конфликт с китайской администрацией. Ему удалось временно восстановить видимость порядка в работе высшего руководства КВЖД. По словам НКВД, в Маньчжурии было достигнуто относительное равновесие во взаимоотношениях между СССР и Мукденским правительством на почве «делового контакта и заинтересованности обеих сторон» [27, с. 586]. Были урегулированы вопросы о хранении наличных денег КВЖД, школьный вопрос и другие проблемы. Но японская пресса намекала, что внутри советской администрации КВЖД не все гладко. В газете «Мансю Ници» от 10 июня 1927 г. были приведены слова китайского высшего чиновника КВЖД, что руководит всей советской работой заместитель Лашевича А. И. Геккер, а Лашевич — «одинокое лицо, не имеющее преданных людей», с ним обращаются как с «докучным родителем» [28, л. 804–805].

Лашевич не считал, что с политической карьерой в СССР все закончено. В 1927 г. в связи с событиями в Китае, поражением коммунистов и «банкротством» сталинской политики оживилась разгромленная оппозиция. В конце октября 1927 г. Лашевич выехал из Харбина в Ленинград, где принял участие в так называемой альтернативной демонстрации 7 ноября 1927 г. [9, с. 262]. Виктор Серж (В. Л. Кибальчич) оставил воспоминания об этих событиях, которые он назвал «советским термидором».

Несколько сот человек оппозиционеров решили участвовать в демонстрации 7 ноября в Ленинграде со своими лозунгами, и после прохода перед трибуной на Дворцовой площади милиция оттеснила их на улицу Халтурина (Миллионную), где у здания Нового Эрмитажа произошли стычки с конной милицией. Серж описал, как Лашевич набросился на милиционера, выговаривая командирским голосом: «Как тебе не стыдно нападать на ленинградских пролетариев?» [29, с. 274]. Здесь же он привел описание внешности Лашевича: грузный, приземистый, с тяжелым лицом «любителя выпить» [29, с. 274]. Все участники этой демонстрации, так или иначе, пострадали в процессе разгрома оппозиции (увольнения, аресты, тюрьмы, ссылки и проч.). Лашевич на XV съезде ВКП(б), прошедшем в декабре 1927 г., как активный деятель «троцкистской оппозиции» был исключен из партии вместе с другими оппозиционерами. Пароход «Михаил Ла-

шевич» получил новое имя — «Дзержинский» [15, с. 349].

От внимательных глаз эмиграции не ускользнули перемены в его судьбе. В харбинской газете «Русское слово» от 23 декабря 1927 г. была напечатана заметка «Лашевич на дыбе» (ее автор — Н. П. Веселовский-Выговский — скрывается под псевдонимом Параго), которая была переслана советским консулом в Харбине в Москву в НКВД. В этой статье о Лашевиче говорилось, как о бывшем «советском короле» в весьма нелицеприятных выражениях — «губастая, ушастая, жирная двуногая жаба», «пермский Дзержинский», «заплетных дел мастер» и др. В заметке отмечалось, что Лашевич подвергся всероссийскому шельмованию, у него отняли «прошлое, настоящее и будущее», остался только «заслуженный, законный и полный удел Каина». Заканчивалась статья утверждением, что «одним кошмаром» в Харбине стало меньше, что «высший советский сановник сюда уже больше не вернется», и «палач», «страшный апостол сверх жестокости перестанет поганить собой наши дома и улицы» [30, л. 92].

Тем не менее на заседании Политбюро 19 января 1928 г. было решено оставить Лашевича товарищем председателя Правления КВЖД [31, л. 6]. В июне 1928 г. он был восстановлен в членстве в партии. В феврале 1928 г. Лашевич вернулся в Харбин, присутствовал на заседаниях Правления, активно включившись в обсуждение проблем КВЖД. Интересно заметить, что специально для Лашевича канцелярия Правления выписала на 1928 г. журналы на английском, французском и немецком языках преимущественно развлекательного характера: *Asia, Life, The Illustrated London News, The Illustrated Sporting and Dramatic News, Motion Picture, The Graphic, Revue de Paris, Die Bühne, Die Woche* и др. Из газет были выписаны эмигрантские русские газеты «Последние новости» (Париж), «Руль» (Берлин) [32, л. 1–2].

В связи с этим стоит заметить, что в Харбине у Лашевича сложилась репутация покровителя искусств. Дело в том, что Правление КВЖД тратило большие деньги на театральное дело, в том числе на содержание оперы, которой гордился Харбин. Считалось, что именно при Лашевиче из СССР приехало много артистов, художников, музыкантов, даже плотников и монтажников для нужд оперы. Для постановок шились роскошные костюмы, готовились прекрасные декорации, артисты получали здесь огромные оклады. Поэтому возвращение Лашевича из Москвы в январе 1928 г. на свой пост вызвало оживление в артистической среде. Газеты писали, что Лашевич, не будучи сам музыкантом, ценит и любит музыку, ему приписывали в заслугу создание прекрасной оперы в Новониколаевске, а теперь и в Харбине. Поэтому-то и артисты, и любители оперного искусства возлагали на него большие надежды [33, с. 3].

С точки зрения антибольшевистской эмиграции главной задачей товпреда являлась антигоминьдановская работа. Лашевича, как и всех советских представителей, подозревали в организации советской подрывной деятельности в Северной Маньчжурии. После убийства Чжан Цзолина в июне 1928 г., к чему была причастна советская разведка, началась кампания в иностранной прессе по обвинению СССР в покушении, взрывах в Муكدене, подготовке восстания во Внутренней Монголии, переброске советских войск к границе и подготовке

захвата КВЖД [34, с. 399]. В начале августа 1928 г. монголы Барги (Хулунбуира) подняли восстание против расширения китайского политического контроля, добиваясь автономии Внутренней Монголии в рамках Китайской республики, надеясь на советскую поддержку, но в итоге Москва отказалась поддержать его. Лашевича и других высших советских чиновников считали причастными к этим событиям. Действительно, в организации т.н. Баргинского (Хулунбуирского) восстания принимали участие монгольские коммунисты под руководством представителей Коминтерна [35, с. 101]. Но роль Лашевича в этих событиях до сих пор не выяснена.

Эмигранты замечали, что под предлогом расширения сети дорог для подвоза грузов к линии КВЖД в пограничных с Монголией пунктах прокладывались важные для СССР военные трассы. Харбинские старожилы потом вспоминали, как Лашевич, председатель Правления Дальбанка А. В. Борискин и ряд других лиц отправлялись со свитой на охоту в монгольскую степь. Там с ними произошло несчастье: на полном ходу перевернулся автомобиль. Лишь много позднее выяснилось, что настоящей целью поездки была не охота, а производство военно-топографических изысканий [24, с. 284]. Ю. В. Крузенштерн в своих воспоминаниях упоминает, что Лашевич якобы отправился на отдых в Монголию, а на самом деле его целью было поднять монголов на восстание против китайцев. По ее словам, он вместе с товарищами попал в засаду, был ранен, привезен в Харбин, где долго умирал [22, с. 204].

Все эти слухи и версии не подтверждаются иными источниками. Единственное, о чем можно сказать определенно, что 23–28 мая 1928 г. Лашевич, Борискин и, по некоторым данным, сотрудник Дальбанка А. И. Погребецкий совершили поездку на курорт Халун Аршан, которая и вызвала столько толков. Автомобиль, на котором они ехали, попал в аварию и перевернулся. Больше всего пострадал Борискин, Лашевич был легко ранен. Действительно, курорт Халун Аршан, расположенный в 450 км от ст. Маньчжурия во Внутренней Монголии, вызывал особый интерес у советских представителей. На заседании Правления КВЖД 17 мая 1928 г. было решено выдать Монгольскому акционерному обществу по эксплуатации курорта Халун Аршан беспроцентную ссуду 28 960 золотых рублей на 5 лет для развития и улучшения курорта, а также командировать врача и шестерых служащих дороги на полтора месяца на целебные источники за счет дороги, установить автомобильное сообщение с курортом со ст. Хайлар [36, л. 75]. Впоследствии именно на курорте Халун Аршан лидер Баргинского восстания Мерсэ 9 августа 1928 г. произнес речь об освобождении «братьев-баргутов» с призывами «Да здравствует СССР, да здравствует Коминтерн!» [35, с. 109].

Интерпретация этих событий нашла отражение в прессе Харбина. Японская газета «Харбин Ници Ници» 16 июня 1928 г. сообщала, что, воспользовавшись «тревожным временем», СССР, «питающий дикие надежды», обратил взоры в сторону захвата Хулунбуира. По мнению газеты, советская администрация КВЖД решила основать в этом районе базу для заговора, избрав курорт Халун Аршан, для чего был отпущен огромный капитал из кассы КВЖД. Целью поездки Лашевича на курорт газета считала «выяснение пригодности дорог для военных надобностей» [37, л. 112]. В этой же газете

появился ряд других статей о подготовке советским правительством военного захвата Хулунбуирского округа, прилегающего к КВЖД. Утверждалось, что поездка Лашевича была организована с целью свидания с агентами Фын Юйсяна для передачи последнему 3 млн долларов [37, л. 112]. С. Л. Кузьмин также приводит сообщения из иностранной прессы с утверждениями, что Лашевич и Борискин отвезли монголам на организацию восстания 2 млн зол. руб. [35, с. 112]. Автомобильная авария рассматривалась прессой как покушение на Лашевича. Японская газета «Токио Асахи» 20 августа 1928 г. даже писала об аресте Лашевича китайскими властями в связи с восстанием в Хулунбуире [38, л. 176].

Скоропостижный уход из жизни Лашевича вскоре после этих событий в конце августа 1928 г. по понятным причинам вызвал много толков. И с обстоятельствами смерти, и даже с ее датировкой много неясного. В отдельных источниках и исследованиях указаны разные даты. В большинстве справочников и энциклопедий говорится, что Лашевич умер 30 августа 1928 г. [5, с. 176; 6, с. 453; 12, с. 327]. Но, скорее всего, дата неверна. Так, ТАСС сообщало, что Лашевич скончался 31 августа 1928 г. в 4 часа 40 минут, причем при последних минутах присутствовали члены Правления КВЖД Геккер, Измайлов, управляющий дорогой Емшанов, генконсул СССР в Харбине Мартынов [37, л. 16]. Официально на траурном заседании Правления КВЖД 1 сентября 1928 г. заместитель товпреда А. И. Геккер объявил, что Лашевич скончался 31 августа от болезни сердца [39, л. 90]. Корреспондент ТАСС из Харбина в телеграмме от 2 сентября 1928 г., сообщая о смерти Лашевича, указал на причину смерти: «гангренозный процесс левой ноги поднялся до паха, деятельность сердца ухудшилась, ... состояние считали безнадежным. Скончался от недостаточной сердечной деятельности на почве общей интоксикации» [37, л. 118].

Однако в официальную причину смерти практически никто не верил. Сразу же возникли версии об отравлении, последствиях автомобильной катастрофы, чрезмерного пьянства [24, с. 284; 2, с. 327; 7, с. 28; 20, л. 137]. Некоторые современные авторы указывали, что Лашевич совершил суицид [3, с. 266; 12, с. 327; 26, р. 51]. В. М. и М. В. Крюковы в своем исследовании приводят информацию, переданную американским консулом в Харбине Хэнсоном в Госдепартамент США 30 августа 1928 г. Согласно ему, 14, 15 и 16 августа 1928 г. в Генконсульстве СССР в Харбине проходило совещание под председательством Лашевича, где рассматривались вопросы стратегии и тактики на Дальнем Востоке. Документы совещания Лашевич забрал с собой, положив в портфель. Приехав домой, он отправился поиграть в теннис во дворе дома, и в это время портфель с документами исчез. Лашевичу после этой новости стало плохо, приехавший врач определил обострение сердечной недостаточности. Лечение не дало результатов, и через две недели Лашевич скончался. Украденные документы были переданы китайской полиции, а в американское консульство попали копии [17, с. 93].

Ссылаясь на эмигрантские источники, в частности, дневник И. С. Ильина, можно с осторожностью утверждать, что Лашевич умер в результате осложнения после операции. Ильин, ссылаясь на мнение харбинского врача Г. А. Бергмана, сообщал, что у Лашевича были проблемы с сердцем, произошла закупорка сосудов. Был созван консилиум врачей,

решили ампутировать ему ногу, но это не помогло [20, л. 138]. Однако и в дневнике Ильина, и в мемуарах эмигрантов смерть товпреда считалась возмездием за деяния «сибирского сатрапа», не случайно в эго-документах упоминается, что, бредя в агонии, Лашевич вспоминал замученных и расстрелянных им людей [20, л. 138; 40, с. 310].

Сразу после смерти Лашевича на траурном заседании Правления КВЖД 1 сентября 1928 г. была предпринята попытка дать оценку его личности. Помощник начальника канцелярии Правления Н. П. Пумпянский (в прошлом эсер) произнес прочувствованную речь о потере «большого и нужного нам человека»: «Это был настоящий рыцарь правды <...>, служение истине стояло у него на первом месте и было основным укладом его душевного строя. Мы все чувствовали, что за его внешней резкостью, подчас грубостью, кроется такая чистота души, такая отзывчивость и незлобивость, какую трудно найти» [39, л. 93]. На этом заседании решили выдать семье покойного единовременное пособие в сумме годового жалования (21 000 руб.). 3 сентября 1928 г. было объявлено траурным (нерабочим) днем на КВЖД, на всех зданиях советских представительств в Харбине были приспущены флаги.

На средства Правления КВЖД устроили торжественные похороны, которые соответствовали масштабам должности Лашевича и как товпреда, и как видного военного деятеля. Тело покойного в военной форме с орденами поместили для прощания в гостиную его особняка. С лица умершего была снята посмертная маска. У гроба выставили почетный караул, играл оркестр.

И. С. Ильин отметил, что пришли попрощаться («отметиться») несколько тысяч человек, в том числе бывшие эмигранты, взявшие советское гражданство, хотя не было «ни пулеметов, ни ЧеКа, ни насилия — могли бы, кажется, и не идти — но вот пошли же! Пошли гурьбой, пошли чуть ли не все! Устрялов говорил надгробное слово, Нилус — полковник, военный юрист, поддерживал гроб» [20, л. 139]. В этой дневниковой записи Ильин называл похороны и поведение бывших эмигрантов «мерзостью», не жалел эпитетов и для покойного Лашевича — «проходимец — еврейчик», «разложившийся гад», «падаль» и т. п. Но здесь надо учесть эмоциональную тональность и антисемитские воззрения цитируемого мемуариста, схожим образом клеймившего и некоторых деятелей Белого движения, например, И. А. Михайлова — видного и крайне противоречивого антибольшевистского политика, также сыгравшего заметную роль в русской эмигрантской среде Харбина [41, с. 56–57; 42–43].

Телеграмма ТАСС от 5 сентября 1928 г. из Харбина в Москву сообщала, что у гроба Лашевича в течение двух дней (3 и 4 сентября 1928 г.) побывало более 20 000 советских граждан, представители иностранных держав, высшие чины китайской администрации, японские официальные лица, иностранные консулы, представители общественных учреждений, организаций, коммерческих кругов. Красный гроб после прощания был вынесен на руках советскими чиновниками и до самого вокзала гроб несли на руках. Попутно все улицы Харбина (Вокзальный проспект, Соборная площадь и др.) были «буквально запружены толпами народа, впереди несли венки числом более 200, оркестры духовой музыки все время играли похоронные марши» [37, л. 14]. И. С. Ильин сообщал, что похороны со-

ветского сановника обошлись в огромную сумму — больше 5 000 золотых рублей [20, л. 139].

Проводы тела Лашевича до вокзала превратились в манифестацию. Во время процессии необходимо было показать единство советских граждан в Харбине: все служащие КВЖД должны были присутствовать на церемонии и выстроиться в ряд на улицах, по которым двигалась процессия. Это привело к множеству мелких конфликтов между русскими эмигрантами и советскими гражданами. Были попытки «белогвардейских провокаторов» внести смятение в толпу, брань в сторону идущих, выкрики, попытки сорвать красные флаги. Ф. Патрикеев, ссылаясь на воспоминания одного эмигранта, сообщал, что в одном из русских кафе, где эмигранты «праздновали» смерть Лашевича, завязалась драка между советскими гражданами и эмигрантами [26, р. 51].

Тело Лашевича было помещено в специальный вагон, украшенный черными и красными траурными лентами, ветками хвойных деревьев. Траурный поезд останавливался на крупных станциях Транссиба, где проходили специальные митинги в память о «старом» большевике. 13 сентября 1928 г. поезд с гробом Лашевича прибыл в Ленинград, где было устроено прощание во дворце Урицкого (Таврическом дворце), а затем тело было похоронено на площади Жертв Революции (Марсовом поле) под залпы артиллерийского салюта [44, с. 3]. Там же была установлена мемориальная доска. Но в 1937 г. могилу с Марсова поля убрали [11, с. 32] и восстановили только в 1956 г. Можно сказать, что смерть Лашевича в Харбине в 1928 г. спасла его от дальнейших репрессий. Все его соратники были осуждены по делу «троцкистско-зиновьевского центра» в 1936 г. Практически никто не избежал высшей меры наказания, как и его вдова Ида Владимировна, расстрелянная в 1938 г.

Заключение. Применение биографического метода и антропологического подхода в исследовании, использование новых источников позволяют избежать схематизма и поверхностных оценок исторических личностей. Так, жизнь и смерть М. М. Лашевича можно рассматривать в разнообразных проекциях: как «старого» большевика, участника Гражданской войны, представителя левой оппозиции, героя и жертву. На примере его судьбы можно увидеть, что фигуры такого масштаба нуждаются в переосмыслении.

Направленный в Маньчжурию как в ссылку, Лашевич вынужден был проводить партийную линию, и неудача этой политики совпала с его смертью, которая вызвала широкий резонанс, выявила надежды и страхи, которые проецировались на его личность. Похороны Лашевича в Харбине продемонстрировали значение его как символического лица, военачальника и представителя советского правительства, а также важность ритуала в деле сплочения советской колонии.

С другой стороны, принадлежность Лашевича к оппозиции повлияла на формирование представлений о наличии «троцкистского гнезда» в Маньчжурии, проявившихся при репрессиях 1930-х гг. Кроме того, рассматривая фигуру Лашевича через призму восприятия русской эмиграции в Маньчжурии, можно проследить явления антибольшевизма и антисемитизма в среде русской колонии Харбина, влияние слухов на формирование неоднозначного образа, а также поведенческие практики советской элиты.

В любом случае, индивидуальный случай, отдельная биография при внимательном рассмотрении в историческом контексте и под другим углом зрения могут расширить или даже изменить представления как о конкретном человеке, так и об определенной политической ситуации и особенностях эпохи.

Библиографический список

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.
2. Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат / Ред. Ю. Ю. Фигатнер. Москва: Советская энциклопедия, 1989. 831 с.
3. Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. Т. 2. 807 с.
4. Плотников И. Гражданская война на Урале. (1917–1922 гг.). Энциклопедия и библиография. В 3 т. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. Т. 1. 244 с.
5. Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. Москва: Большая российская энциклопедия, 1993. 432 с.
6. Революция и гражданская война в России: 1917–1923 гг. Энциклопедия. В 4 т. Москва: Терра, 2008. Т. 2. 560 с.
7. Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. Т. 3. 474 с.
8. Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. Москва: Изд-во ИВИ РАН, 2000. 204 с.
9. Скоркин К. В. Обречены проиграть: (власть и оппозиция, 1922–1934). Москва: VividArt, 2011. 890 с.
10. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 365862/2.
11. Грансберг С. Р. Дела давно минувших дней: воспоминания. Москва: Б. и., 1992. 63 с.
12. Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. Москва: РОССПЭН, 2008. 463 с.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 5. Д. 4385.
14. Краткий отчет Сибирского революционного комитета Первому Сибирскому краевому съезду Советов: Делегату съезда / Предисл.: М. Лашевич. Новониколаевск: Сибревком, 1925. 84 с.
15. Речной пассажирский флот России конца 19–начала 20 века / Под ред. Е. Н. Казанцева. Уфа: Инфинити, 2014. 480 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 603-1.
17. Крюков В. М., Крюков М. В. КВЖД 1929. Взрыв и эхо: моногр. Москва: Изд-во ИВ РАН, 2017. 624 с.
18. За что Лашевич попал в опалу? // Заря (Харбин). 1926. 14 декабря.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 10. Д. 777.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 9.
21. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. В 10 т. Т. 7. Восточная ветвь. 1920–1928 гг. Москва: Гей, 2015. 951 с.
22. Крузенштерн-Петерец Ю. В. Воспоминания // Россияне в Азии (Торонто). 1997. № 4. С. 124–209.
23. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 34618.
24. Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Кио-ва-кай; ГБРЭМ, 1942. 414 с.
25. Туров Е. Чехарда красных вельмож. По «портретному залу» старого особняка // Заря (Харбин). 1935. 15 сентября.
26. Patrikeeff F. Russian Politics in Exile: The Northeast Asia Balance of Power, 1924–1931. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 230 p.

27. Документы внешней политики СССР. В 26 т. Москва: Госполитиздат, 1965. Т. 10. 687 с.
28. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 377.
29. Серж В. От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. Москва: Практикс; Оренбург: Оренбургская книга, 2001. 696 с.
30. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 22. П. 178. Д. 221.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 669.
32. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 422.
33. Надежды артистов на М. М. Лашевича // Гун-бао (Харбин). 1928. 14 февраля.
34. Документы внешней политики СССР. В. 24 т. Москва: Госполитиздат, 1966. Т. 11. 792 с.
35. Кузьмин С. Л. Баргинское восстание 1928 г. Часть I. Причины и начало восстания // Вестник института востоковедения РАН. 2020. № 1. С. 100–114. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-100-114.
36. РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 36.
37. ГАРФ. Ф. Р-4599. Оп. 2. Д. 319.
38. РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1350.
39. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 397.
40. Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. Москва: Центрполиграф, 2007. 557 с.
41. Стельмак М. М. К вопросу о националистических взглядах и антисемитской агитации в Сибири в период Гражданской войны // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2020. № 23. С. 53–60.
42. Петин Д. И. Политика, деньги и... любовь // Бюджетный учет. 2020. № 3. С. 72–77. EDN: PAUKXN.
43. Стельмак М. М., Петин Д. И. «Он насытил свое честолюбие при Колчаке»: министр финансов И. А. Михайлов в оценках современников // Исторический вестник. 2022. Т. 42. С. 36–61. DOI: 10.35549/HR.2022.2022. 42.001. EDN: IPQJWP.
44. Последний путь тов. Лашевича // Красная звезда. 1928. 13 сентября.

КРОВОВА Мария Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Санкт-Петербург.
SPIN-код: 3221-2527
AuthorID (РИНЦ): 717684
ORCID: 0000-0001-7948-0251
Адрес для переписки: mary_krot@mail.ru

Для цитирования

Кротова М. В. «Сибирский сатрап» М. М. Лашевич и его смерть в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 97–105. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-97-105.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024 г.

© М. В. Кротова

«SIBERIAN SATRAP» M. M. LASHEVICH AND HIS DEATH IN HARBIN

The article is dedicated to the Soviet politician M. M. Lashevich (1884–1928), a participant in the revolution and the Civil War, chairman of the Siberian Revolutionary Committee. The relevance of the study is due to the fact that his activities as a fellow chairman of the Board of the CER in 1926–1928 little known, as are the causes of death in Harbin. The purpose of the article is to reconstruct the final period of Lashevich's life in the context of the Soviet presence in China, with emphasis placed on the perception of Lashevich's personality by Russian emigration in Manchuria, the circumstances of his death and posthumous biography using an anthropological approach and the biographical method. The research is based on unpublished sources, ego-documents and periodical materials from Harbin. The author emphasizes that the study of such extraordinary figures as Lashevich is important not only for understanding Soviet policy in China, but also for clarifying the problems of perception and assessment of the activities of Soviet leaders by ideological opponents.

Keywords: historical anthropology, Jews, M. M. Lashevich, CER, Manchuria, Harbin, Russian emigration, Russian Revolution, Civil War.

References

1. Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsia v SSSR. Entsiklopediya [The Civil War and military Intervention in the USSR: An Encyclopedia]. Moscow, 1987. 720 p. (In Russ.).
2. Deyateli SSSR i revolyutsionnogo dvizheniya Rossii: Entsiklopedicheskiy slovar' Granat [Leaders of the USSR and the revolutionary movement of Russia: The Encyclopedic Dictionary Granat] / Ed. by Yu. Yu. Figatner. Moscow, 1989. 831 p. (In Russ.).
3. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. V 3 t. [Historical Encyclopedia of Siberia. In 3 vols.]. Novosibirsk, 2010. Vol. 2. 807 p. (In Russ.).
4. Plotnikov I. Grazhdanskaya voyna na Urale (1917–1922 gg.). Entsiklopediya i bibliografiya. V 3 t. [The Civil War in the Urals. (1917–1922). Encyclopedia and bibliography. In 3 vols.]. Ekaterinburg, 2007. Vol. 1. 244 p. (In Russ.).
5. Politicheskie deyateli Rossii. 1917. Biograficheskiy slovar' [Political figures of Russia. 1917. Biographical Dictionary]. Moscow, 1993. 432 p. (In Russ.).
6. Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Rossii: 1917–1923 gg. Entsiklopediya. V 4 t. [The Revolution and the Civil War in Russia: 1917–1923. Encyclopedia. In 4 vols.]. Moscow, 2008. Vol. 2. 560 p. (In Russ.).
7. Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya. V 4 t. [The Siberian Soviet Encyclopedia. In 4 vols.]. Novosibirsk, 1931. Vol. 3. 474 p. (In Russ.).
8. Nazarov O. G. Stalin i bor'ba za liderstvo v bol'shevistskoi partii v usloviyah NEPa [Stalin and the struggle for leadership in the Bolshevik Party in the conditions of the NEP]. Moscow, 2000. 204 p. (In Russ.).
9. Skorkin K. V. Obrechneny proigrat': (vlast' i oppozitsiya, 1922–1934) [They are doomed to lose: (The government and the opposition, 1922–1934)]. Moscow, 2011. 890 p. (In Russ.).
10. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb) [The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (CSAYPD SPb)]. File: 365862/2/1/1728. (In Russ.).
11. Gransberg S. P. Dela davno minuvshih dney: vospominaniya [The affairs of bygone days: Memories]. Moscow, 1992. 63 p. (In Russ.).
12. Protasov L. G. Ludi Uchreditel'nogo sobraniya: portret v inter'ere epohi [People of the Constituent Assembly: portrait in the interior of the epoch]. Moscow, 2008. 463 p. (In Russ.).
13. TsGAIPD SPb [CSAYPD SPb]. File: 4385/5/R-4000. (In Russ.).
14. Kratkiy otchet Sibirskogo revolyutsionnogo komiteta Pervomu Sibirskomu kraevomu s'ezdu Sovetov: Delegatu s'ezda [Summary report of the Siberian Revolutionary Committee to the First Siberian Regional Congress of Soviets: To the Delegate of the Congress / Preface: M. Lashevich]. Novonikolaevsk, 1925. 84 p. (In Russ.).
15. Rechnoy passazhirskiy flot Rossii kontsa 19, nachala 20 veka [The Russian river passenger fleet of the late 19th and early 20th centuries] / Ed. by E. N. Kazantseva. Ufa, 2014. 480 p. (In Russ.).
16. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History (RSASPH)]. File: 603-1/3/17. (In Russ.).
17. Kryukov V. M., Kryukov M. V. KVZhD 1929. Vzryv i eho [CER 1929. Explosion and echo]. Moscow, 2017. 624 p. (In Russ.).
18. Za chto Lashevich popal v opalu? [Why did Lashevich fall into disgrace?] // Zarya. Dawn (Harbin). 1926. December 14. (In Russ.).
19. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. File: 777/10/323. (In Russ.).
20. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii GARF [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. File: 9/1/R-6599. (In Russ.).
21. Russkaya voennaya emigratsiya 20–40-h godov XX veka. V 10 t. T. 7. Vostochnaya vetv'. 1920–1928 gg. [Russian military

- emigration of the 20–40s of the twentieth century. In 10 vols. Vol. 7. The Eastern branch. 1920–1928]. Moscow, 2015. 951 p. (In Russ.).
22. Kruzenshtern-Peterets Yu. V. Vospominaniya [Memoirs] // Rossiyanе v Azii. *Russians in Asia* (Toronto). 1997. No. 4. P. 124–209. (In Russ.).
23. Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraя [State Archive of Khabarovsk Region]. File: 34618/3/830. (In Russ.).
24. Velikaya Man'chzhurskaya imperiya: K desyatiletnemu yubileyu [The Great Manchurian Empire: On the tenth anniversary]. Harbin, 1942. 414 p. (In Russ.).
25. Turov E. Cheharda krasnyh vel'mozh. Po «portretnomu zalu» starogo osobnyaka [A leapfrog of red nobles. Through the «portrait hall» of the old mansion] // Zarya. *Dawn* (Harbin). 1935. September 15th. (In Russ.).
26. Patrikeeff F. Russian Politics in Exile: The Northeast Asia Balance of Power, 1924–1931. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 230 p. (In Engl.).
27. Dokumenty vneshney politiki SSSR. V 26 t. [Documents of the USSR's foreign policy. In 26 vols.]. Moscow, 1965. Vol. 10. 687 p. (In Russ.).
28. RGIA [RSHA]. File: 377/4/323. (In Russ.).
29. Serzh V. Ot revolyutsii k totalitarizmu. Vospominaniya revolyutsionera [From Revolution to Totalitarianism. Memoirs of a Revolutionary]. Moscow; Orenburg, 2001. 696 p. (In Russ.).
30. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. File: 221/178/22/04. (In Russ.).
31. RGASPI [RSASPH]. File: 669/3/17. (In Russ.).
32. RGIA [RSHA]. File: 422/4/323. (In Russ.).
33. Nadezhdy artistov na M. M. Lashevicha [The hopes of artists for M. M. Lashevich] // Gun-bao. *Gun-bao* (Harbin). 1928. February 14. (In Russ.).
34. Dokumenty vneshney politiki SSSR [Documents of the USSR's foreign policy]. Moscow, 1966. Vol. 11. 792 p. (In Russ.).
35. Kuz'min S. L. Barginskoe vosstanie 1928 g. Chast' I. Prichiny i nachalo vosstaniya [The rebellion of 1928 in Barga. Part I: Causes and the Beginning] // Vestnik instituta vostokovedeniya RAN. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2020. No. 1. P. 100–114. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-100-114. (In Russ.).
36. RGIA [RSHA]. File: 36/3/323. (In Russ.).
37. GARF [SARF]. File: 319/2/R-4599. (In Russ.).
38. RGIA [RSHA]. File: 1350/5/323. (In Russ.).
39. RGIA [RSHA]. File: 397/4/323. (In Russ.).
40. Balmasov S. S. Beloemigranty na voennoy sluzhbe v Kitae [White emigrants in the military service in China]. Moscow, 2007. 557 p. (In Russ.).
41. Stelmak M. M. K voprosu o natsionalisticheskikh vzglyadakh i antisemitskoy agitatsii v Sibiri v period Grazhdanskoy voyny [On the question of nationalist opinions and anti-semitic agitation in Siberia during the Civil War] // Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya. *News of the Omsk State Museum of History and Local Lore*. 2020. No. 23. P. 53–60. (In Russ.).
42. Petin D. I. Politika, den'gi i... lyubov' [Politics, Money and ... Love] // Byudzhetnyy uchet. *Budget Accounting*. 2020. No. 3. P. 72–77. (In Russ.).
43. Stel'mak M. M., Petin D. I. «On nasytil svoje chestolyubiye pri Kolchake»: ministr finansov I. A. Mikhaylov v otsenke sovremennikov [«He fulfilled his ambitions in the presence of Kolchak»: Minister of Finance I. A. Mikhailov as seen by contemporaries] // Istoricheskiy vestnik. *Historical Reporter*. 2022. Vol. 42. P. 36–61. DOI: 10.35549/HR.2022.2022.42.001. EDN: IPQJWP. (In Russ.).
44. Posledniy put' tov. Lashevicha [The last way of Comrade Lashevich] // Krasnaya Zvezda. *Red Star*. 1928. September 13. (In Russ.).

KROTOVA Mariia Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of International Relations and Political Science Department, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg.
 SPIN-code: 3221-2527
 AuthorID (RSCI): 717684
 ORCID: 0000-0001-7948-0251
 Correspondence address: mary_krot@mail.ru

For citations

Krotova M. V. «Siberian Satrap» M. M. Lashevich and his death in Harbin // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 97–105. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-97-105.

Received February 19, 2024.

© M. V. Krotova